





## Предисловие



читаю своим долгом предупредить читателя о том, что “Алхимик” — книга символическая, чем и отличается от “Дневника Мага”, где нет ни слова вымысла. Одиннадцать лет жизни я отдал изучению алхимии. Уже одна возможность превращать металл в золото или открыть Эликсир Бессмертия слишком соблазнительна для всякого, кто делает первые шаги в магии. Признаюсь, что Эликсир произвел на меня впечатление более сильное, ибо до тех пор, пока я не осознал и не прочувствовал существования Бога, мысль о том, что когда-нибудь все кончится навсегда, казалась мне непереносимой. Так что, узнав о возможности создать некую жидкость, способную на многие-многие годы продлить наше земное бытие,

я решил всецело посвятить себя изготовлению этого эликсира.

Это было в начале семидесятых, в эпоху великих социальных преобразований, когда еще не существовало серьезных работ по алхимии. Я, подобно одному из героев этой книги, тратил скудные свои средства на приобретение иностранных книг, а время — на изучение их сложного символического языка. В Рио-де-Жанейро мне удалось разыскать двоих-троих ученых, всерьез занимавшихся Великим Творением, но они отказались со мной встретиться. Познакомился я и с множеством тех, кто именовал себя алхимиками, владел лабораториями и за баснословные деньги сулил открыть мне тайны своего искусства; сейчас я понимаю, что они ничего не смыслили в том, чему собирались учить.

Мое усердие и рвение не давали абсолютно никаких результатов. Мне не удавалось ничего из того, о чем на своем замысловатом языке твердили учебники алхимии, заполненные бесчисленными символами: драконами, солнцами, львами, лунами. И мне постоянно казалось, что я двигаюсь не в том направлении, ибо символический язык открывает широчайший простор для неправильных толкований. В 1973 году, в отчаянии от того, что не продвинулся в своих штудиях ни на пядь, я совершил акт величайшей безответственности. В ту пору Управление образования штата

Мату-Гроссу пригласило меня вести занятия по театральному искусству, и я использовал своих студентов для постановки “лабораторных” спектаклей на тему Изумрудной Скрижали. Даром мне это не прошло, и подобные эксперименты вкупе с иными моими попытками утвердиться на зыбкой почве Магии привели к тому, что уже через год я мог на собственной шкуре убедиться в правдивости поговорки “Как веревочке ни виться, а конец будет”.

Следующие шесть лет моей жизни я относился ко всему, что имело отношение к мистике, с изрядным скептицизмом. В этом духовном изгнании я сделал для себя несколько важных выводов: мы принимаем ту или иную истину лишь после того, как сначала всей душой отвергнем ее; не надо бежать от собственной судьбы — все равно не уйдешь; Господь взыскивает строго, но милость Его безгранична.

В 1981 году я встретился с Учителем, которому суждено было вернуть меня на прежнюю стезю. Покуда он наставлял меня, я снова, на собственный страх и риск, принялся изучать алхимию. Однажды вечером, после изнурительного сеанса телепатии, я спросил, почему алхимики выражаются так сложно и так расплывчато.

— Существует три типа алхимиков, — ответил он. — Одни тяготеют к неопределенности, потому что сами не знают своего предмета. Другие знают его, но знают

также и то, что язык алхимии направлен к сердцу, а не к рассудку.

— А третьи? — спросил я.

— Третьи — это те, кто и не слышал об алхимии, но сумели всей жизнью своей открыть Философский Камень.

И после этого мой Учитель, относившийся ко второму типу, решил давать мне уроки алхимии. Вскоре я понял, что ее символический язык, столько раз сбивавший меня с толку и так раздражавший меня, — это единственный путь достичь Души Мира, или того, что Юнг называл “коллективным бессознательным”. Я открыл Свою Стезю и Знаки Бога — истины, которые мой интеллект прежде отказывался принимать из-за их простоты. Я узнал, что задача достичь Великого Творения стоит не перед немногими избранными, а перед всеми, кто населяет Землю. Не всегда, разумеется. Великое Творение является нам в форме яйца и флакона с жидкостью, но каждый из нас способен — в этом нет и тени сомнения — погрузиться в Душу Мира.

И потому “Алхимик” — тоже книга символическая, и на страницах ее я не только излагаю все, что усвоил по этому вопросу, но и пытаюсь воздать должное тем великим писателям, которые смогли овладеть Всемирным Языком: Хемингуэю, Блейку, Борхесу (он тоже использовал

в одном из своих рассказов эпизод из истории Персии), Мальбу Тагану.

А завершая свое чересчур пространное предисловие и желая пояснить, кого относил мой Мастер к алхимикам третьего типа, приведу историю, которую он же поведал мне как-то в лаборатории.

Однажды Пречистая Дева, держа на руках младенца Христа, решила спуститься на землю и посетить некую монашескую обитель. Исполненные гордости монахи выстроились в ряд: каждый по очереди выходил к Богоматери и показывал в ее честь свое искусство: один читал стихи собственного сочинения, другой демонстрировал глубокие познания Библии, третий перечислил имена всех святых. И так братия в меру сил своих и дарований чествовала Деву и младенца Иисуса.

А последним оказался смиренный и убогий монашек, который не мог даже затвердить наизусть текстов Священного Писания. Родители его были люди необразованные, выступали в цирке, и сына они научили только жонглировать шариками и прочим фокусам.

Когда дошел черед до него, монахи хотели прекратить церемонию, ибо бедный жонглер ничего не мог сказать Пречистой Деве, а вот опозорить обитель — вполне. Но он всей душой чувствовал настоятельную необходимость передать Деве и Младенцу какую-то частицу себя.

И вот, смущаясь под укоризненными взглядами братьев, он достал из кармана несколько апельсинов и принялся подбрасывать их и ловить, то есть делать то единственное, что умел, — жонглировать.

И только в эту минуту на устах Христа появилась улыбка, и он захолопал в ладоши. И только бедному жонглеру протянула Пречистая Дева своего сына, доверив поддержать его на руках.



*Посвящается Ж.,  
Алхимику, который познал  
тайну Великого Творения*

В продолжение пути их пришел Он в одно селение;  
здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом  
свой;

у нее была сестра, именем Мария, которая села  
у ног Иисуса и слушала слово Его.

Марфа же заботилась о большом угощении  
и, подойдя, сказала:

Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну  
меня оставила служить?

скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа!

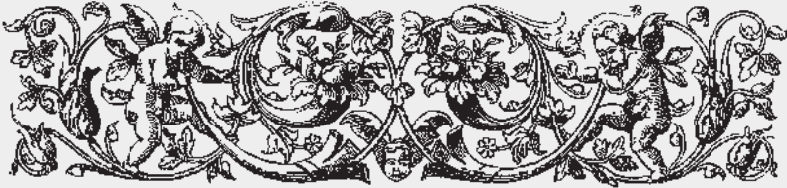
ты заботишься и суетишься о многом,

а одно только нужно; Мария же избрала благую  
часть, которая не отнимется у нее.

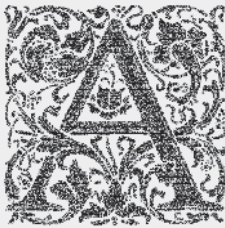
*Евангелие от Луки, 10; 38–42*







## Пролог



Алхимик взял в руки книгу, которую принес кто-то из путников. Книга была без обложки, но имя автора он нашел — Оскар Уайльд — и, перелистывая ее, наткнулся на историю Нарцисса.

Алхимик знал миф о прекрасном юноше, который целыми днями напролет глядел на свое отражение в ручье, любясь своей красотой. В конце концов, заглядевшись, он упал в воду и захлебнулся. На берегу же вырос цветок, названный в память погибшего.

Но Оскар Уайльд рассказывал эту историю по-другому.

“Когда Нарцисс погиб, нимфы леса — дриады — заметили, что пресная вода в ручье сделалась от слез соленой.